

DOI 10.18522/2415-8852-2024-2-62-79

УДК 821.111

**РОМАН БЕРНАДИН ЭВАРИСТО «СВЕТЛЫЕ КОРНИ»:
ОСМЫСЛЕНИЕ ТЕМЫ РАБСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Арина Рафаильевна Шевченко

кандидат филологических наук, доцент Казанского федерального университета (Казань, Россия)

email: sheara@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-0543-2481

Аннотация. Материалом исследования выступает роман известной представительницы британской постколониальной литературы Бернардин Эваристо «Светлые корни» (“Blonde Roots”, 2008), не переведенный на русский язык. В данном произведении, опираясь на художественные практики создания альтернативной истории и невольничьих повествований, писательница предпринимает попытку переосмыслить ход исторических событий, связанных с процессом трансатлантической работорговли. Художественная альтернатива, функционирующая в рамках рассматриваемого нами повествования, позволяет автору создать гибридный текст, на всех уровнях которого реализуется литературный эксперимент. Ревизионистский посыл сообщает роману сатирическое звучание, создаваемое при помощи альтернативной географии, мозаики интертекстуальных отсылок, синтеза характерных признаков «черного» и «белого» письма (документы об истории работорговли, невольничьи повествования, романы Э. Уокер, А. Хейли, европейская литература эпохи Просвещения), языкового эксперимента (создание оригинального варианта пиджин-инглиш), введения многочисленных анахронизмов. Эваристо прибегает к характерной для женского британского постколониального нарратива тенденции предоставлять пространство для самореализации именно героиням, подвергающимся дискриминации как по гендерному, так и по расово-этническому признаку. Кроме этого, некоторые части текста, изложенные от лица главной героини, стилизованы под джубилиз, песни афроамериканских невольников, за счет многократных анафорических повторов, параллелизма, ритмичности. Таким образом, Эваристо конструируется знаковое для постколониального дискурса «третье пространство», демонстрирующее вызов устоявшимся парадигмам мышления. Писательница подвергает пересмотру не только сформировавшиеся в коллективном сознании исторические, политические, социальные и культурные позиции относительно мироустройства, но и литературный канон, синтезируя традиции афроамериканского и европейского художественного письма.

Ключевые слова: альтернативная история, Бернардин Эваристо, гибридность, современная литература, тема рабства, экспериментальный роман

Бернардин Эваристо (Bernardine Anne Mobolaji Evaristo, р. 1959) – современная британская писательница англо-нигерийского происхождения. В 2019 г. она была удостоена Букеровской премии за роман «Девушка, женщина, иная» (“Girl, Woman, Other”), представляющий собой фрагментарное описание судеб девяти темнокожих британок [Эваристо 2020]. Все произведения Эваристо в силу ее причастности к двум расам и нациям и, как следствие, к двум культурам являются неотъемлемой частью корпуса текстов англоязычной мультикультурной литературы конца XX – начала XXI в.

Помимо расово-этнической проблематики писательница тяготеет к жанровым, нарративным и иным формальным экспериментам, что также справедливо отмечает и С.П. Толкачев [Толкачев 2019: 158]. В ее творчестве есть стихотворные произведения – сборник «Остров Авраама» (“Island of Abraham”, 1994) [Evaristo 1994] и роман в стихах «Императорское дитя» (“The Emperor’s Babe”, 2001) [Evaristo 2001], повесть «Здравствуй, мам» (“Hello Mum”, 2010), написанная в эпистолярной форме [Evaristo 2010], мемуары (“Manifesto: On Never Giving Up”, 2022) [Evaristo 2022], а также многочисленные пьесы и эссе. В них, как правило, повествование, насыщенное отсылками как к современным, так и классическим произведениям, ведется от лица нескольких рассказчиков и сочетает в себе постмодернистские, феминистские и транскультурные тенденции.

По мнению И.В. Морозовой, многие современные литературные произведения представляют собой «некий гибридный жанр, близкий к историографическому роману, в котором находится место и документальным фактам, и художественной типизации, и фантастике» [Морозова: 736]. Подобную характеристику можно применить и к роману Бернардин Эваристо «Светлые корни» (“Blonde Roots”, 2008), не переведенному на русский язык. Роман посвящен теме рабства и представляет собой вариант так называемой ‘what-if story’. Писательница предпринимает попытку «переписать» ход реальных исторических событий, беря за сюжетную основу прямо противоположное происшедшему в действительности допущение о том, что было бы, если бы чернокожие люди поработали белых европейцев, что позволяет причислить роман к так называемой «альтернативной истории». В данном контексте уместно сослаться на мнение иранского исследователя С. Фотухи, который отмечает особенности его функционирования в британской постколониальной прозе. С точки зрения ученого, она используется для переосмысления истории, которая, как правило, преподносится из перспективы бывшего колонизатора, который не стремится к выражению точки зрения некогда колонизированного населения. Именно альтернативная история позволяет писателям наделить правом голоса эти маргинализированные

группы и пересмотреть роль, которую они играли в историко-политическом процессе [Fotouhi]. Подтверждает данное умозаключение и идея профессора С.П. Толкачева:

«постколониальная проза словно пытается переписать действительность и историю, пересмотреть и “гибридизировать” устоявшиеся дискурсивные иерархии <...> Философский аспект постколониальных произведений – переоценка, пересмотр и постоянное обновление устоявшихся взглядов <...> причем в их подтексте постоянно присутствует мысль о неустойчивости и неопределенности настоящего» [Толкачев 2019: 154].

Так и выбранная Эваристо историческая альтернатива предоставила ей возможность создать художественную реальность, в рамках которой существуют выдуманные территории – Западные Японские острова, Амарика и Объединенное королевство Великой Амбоссы, а Африка «меняется местами» с Европой. Иными словами, перед читателем также разворачивается альтернативная география, предполагающая иное развитие истории как следствие совершенно другой, выдуманной автором, географии Земли. В качестве визуального дополнения к роману выступает специально созданная для романа

Эваристо британским художником Аланом Гиллилендом карта, которая иллюстрирует замысел писательницы (рис. 1). Таким образом, вследствие подобной авторской концепции мир и устоявшееся в обществе представление о нем буквально переворачиваются с ног на голову.

Основное действие романа происходит в Великой Амбоссе – “Great Ambossa”, также “UK” или “GA”, как его в сокращенном варианте называет автор по аналогии с наименованиями Объединенного королевства Великобритании на английском языке – ‘The United Kingdom (UK) of Great Britain (GB)’. Безусловно, выдуманный автором топоним, омываемый водами Амбосского канала, в описании которого угадывается пролив Ла-Манш, известный также как Английский канал, является полной сарказма отсылкой к Великобритании:

«Итак, я нахожусь в Объединенном королевстве Великой Амбоссы <...> Основная часть материка, где оно расположено, пролегает вдоль Амбосского канала <...> На самом деле, Великая Амбосса – очень маленький остров с постоянно растущим населением, которое нужно как-то кормить, поэтому Амбосса простирает свои маленькие жадные ручонки по всему земному шару, захватывая разные страны, а вместе с ними и людей» [Evaristo 2009: 26]¹.

¹ Здесь и далее перевод наш – А.Ш.

При этом подобный выбор автора идет вразрез с устоявшимися представлениями об истории рабства, преимущественно связываемыми с Америкой. Несмотря на то, что в тексте присутствуют упоминания об Америке – так именует Соединенные Штаты писательница – она решает уделить внимание именно роли британцев в Трансатлантической работорговле. Действительно, в массовом культурно-историческом сознании в силу огромного количества источников, как документальных, так и художественных, рассказывающих об Институте рабства в США, будто бы «стерся» тот факт, что среди основных европейских стран, вовлеченных в торговлю чернокожими людьми, Англия до запрета данного вида деятельности в британских владениях в 1807 г. была на «почетном» втором месте¹.

Выбранная Эваристо в качестве эпиграфа цитата из «Писем» (“The Letters”, 1888) Фридриха Ницше дополняет ее ревизионистскую идею о «порабощении» героев-европейцев африканцами: «Все в этом мире подвластно интерпретации: какая бы интерпретация не преобладала в данный момент времени –

это функция силы, а не истины» (цит. по: [Evaristo 2009: 17]).

Помимо этого, колониальная веха в истории Объединенного королевства и связанные с ней стереотипы о превосходстве белого человека и размышления о «не-белых» странах, которые до сих пор занимают центральное место в британской постколониальной литературе и критике, также могли выступить в качестве важного фактора при создании произведения о расовой дискриминации, где от перемены мест слагаемых и кардинальной смены ролей колонизатора и колонизируемого сумма и суть, увы, не меняются. Более того, постколониальная тема в современном романе все чаще «проблематизирует самое себя в духе деколониального проекта и становится эмблемой потенциальной уязвимости и прекарности существования каждого» [Джумайло: 161]. Это в какой-то степени позволяет охарактеризовать роман «Светлые корни» и как деколониальный. Согласно верному умозаключению М.В. Тлостановой, деколониальность – феномен, в рамках которого происходит «радикальное размежевание с теми представлениями, которые ока-

¹ Африканцы появились в Британии еще во времена римлян. В XI в. на территории Англии уже жили невольники, привезенные из Африки работорговцами. В XVI столетии при королевских дворах Генриха VIII и Якова IV находились чернокожие музыканты, а в XVII в. «благодаря» британским купцам, работорговля стала индустрией, две трети которой были связаны с Ливерпулем и Бристолем. Чернокожие сообщества этих городов, основанные моряками и освобожденными рабами, по сей день считаются старейшими в Великобритании.

зались укоренены в нас благодаря тому, что мы существуем внутри воспринимаемой как норма модерности колониальности» [Глостанова: 2]. В связи с этим вполне уместно говорить и о романе Эваристо, в котором в сатирической форме разрушаются устоявшиеся концепции мировоззрения и традиционный подход к ним. Меняя местами угнетателя и угнетаемого Эваристо придерживается основной исторической и культурной канвы с целью критики гегемонии западной парадигмы мышления.

Рассматриваемый нами роман открывается посвящением всем рабам и их потомкам [Evaristo 2009: 16]. Оно сопровождается двумя знаковыми для истории трансатлантической работорговли датами: 1444 и 1888¹. Несмотря на подобную датировку, время действия в романе носит преимущественно условный характер. В основе сюжета – история главной героини, Дорис Скэглторп, украденной в возрасте 9 лет во время игры в прятки и увезенной в качестве рабыни на другой континент. В одном из интервью Бернардин Эваристо отметила, что при создании «Светлых корней» в роли источника вдохновения для нее выступил образец клас-

сики афроамериканской прозы – роман Элис Уокер «Цвет пурпурный» (“The Color Purple”, 1982) [Уокер]. По словам Эваристо, для нее, как и для Уокер, было важным рассказать о порабощенной женщине, подвергшейся унижению и насилию, и об истории ее борьбы за свободу [Evaristo 2008]. В данном случае можно говорить не только об интертекстуальных параллелях с афроамериканским литературным контекстом, но и о характерной для женского британского постколониального нарратива тенденции предоставлять пространство для самореализации именно героиням, подвергающимся дискриминации как по гендерному, так и по расово-этническому признаку. Об этом в своих работах неоднократно говорили отечественные и зарубежные ученые [Толкачев 2018; Хабибуллина; Шевченко; Anzaldúa; Boehmer; Mills; Petersen; Spivak].

Детство Дорис прошло в эпоху феодализма. На это указывает крестьянское сословие, к которому принадлежит ее семья, и наличие феодала, лорда Персиваля Монтегю:

«мы не были землевладельцами, о нет, мы были крепостными, низшим звеном в сельскохозяй-

¹ В 1444 г. португальский моряк после путешествия на 400 миль южнее мыса Бохадор вместе с золотом привез на родину рабов-негров. Так называемый «Золотой закон» от 13 мая 1888 г. окончательно отменил рабство в Бразилии, где данный социальный институт просуществовал наиболее долго.

ственной цепочке, хотя и настоящие цепи не звенели о землю, когда мы ходили по ней. Точнее, мы не были и чьей-то собственностью, хотя корни наши уходили глубоко в землю <...> так и оставались мы привязанными к ней, поколение за поколением» [Evaristo 2009: 29].

При этом в романе Эваристо присутствует большое количество анахронизмов. Среди них и сравнение белых женщин с куклами Барби, которые не могли существовать в эпоху Средневековья [Evaristo 2009: 186]; и популярный среди африканцев-рабовладельцев напиток «Акока-Алока» – анаграмма, образованная от «Кока-Колы» [Evaristo 2009: 291]; и книги по популярной психологии, чтением которых увлекается один из чернокожих героев, жестокий плантатор, что является ироничным комментарием к его антигуманному поведению: «Исцеление внутреннего ребенка», «Как начать беседу и найти друзей», «Общение с людьми, которых ты не переносишь», «Как мотивировать своих сотрудников» [Evaristo 2009: 412]. Речь главной героини-рабыни пестрит такими выражениями, как «задержка развития» (“arrested development”) [Evaristo 2009: 430] или устой-

чивыми для современного английского языка сокращениями (‘спасибо’ (“thanks”), ‘как можно скорее’ (‘as soon as possible’ – “ASAP”)) [Evaristo 2009: 365]. Поражает и описание нефункционирующего метро, служащего в качестве подземной железной дороги для освобождения беглых рабов¹ [Evaristo 2009: 92]; а также упоминания об оказании такой медицинской услуги, как эстетическая пластическая хирургия [Evaristo 2009: 67] и многое другое. Все вышеперечисленное в совокупности создает некий хаотичный комплекс из историко-культурных отсылок, позволяющий автору вывести темы рабства, дискриминации по расовому признаку и авторитарной власти на универсальный, вневременной уровень и словно проложить мосты между прошлым и настоящим.

В композиции романа три части. Повествование ведется от лица двух рассказчиков. При этом голос рабыни Дорис звучит в первой и финальной третьей части, что соответствует традиции ‘slave narratives’ – невольничьих повествований, также взятой во внимание писательницей в качестве жанровой модели рассказа о драматичной истории обретения свободы, как физиче-

¹ Здесь Эваристо буквально толкует данную метафору подобно современному афроамериканскому писателю Колсону Уайтхеду. В основе его романа «Подземная железная дорога» (“The Underground Railroad”, 2018) допущение о том, что деятельность известной аболиционистской группы осуществлялась именно посредством железнодорожных путей под землей, а «станции» и «кондукторы» не были лишь кодовыми словами [Уайтхед].

ской, так и духовной. Как отметила И.М. Удлер, в подобных произведениях соединяются точное документальное описание жестокой реальности рабства с идиллическими воспоминаниями о детстве в Африке, представляющей в образе утраченного рая, и мечтами о братстве белых и чернокожих христиан в свободном и справедливом обществе [Удлер: 148]. Подобные черты, типичные для невольничьего повествования, присутствуют и в тексте Эваристо в трансформированном виде, в согласии с созданной в его пределах альтернативной реальностью. Во второй части романа в качестве рассказчика выступает хозяин Дорис, вождь Кага Канаты Котамбы I, именуемый еще и как Буана. Стиль и язык повествования отличаются от повествования Дорис в соответствии с художественными ролями и позициями выбранных автором героев. Так, с помощью сочетания нескольких повествовательных перспектив писательница создает по-настоящему гибридный текст, где наблюдается синтез характерных признаков «черного» афроамериканского и «белого» европейского письма.

Например, часть романа, написанная от лица чернокожего рабовладельца Каги Канаты Котамбы, пародийна как с точки зрения стиля и языка, так и идеи, заложенной в ней. Она написана в эпистолярной форме и напоминает письма к читателю. «Дорогой читатель» – именно так начинается каждый из ее разделов [Evaristo 2009: 205–282]. По-

вестование Катамбы отличается стереотипизацией и изобилует псевдонаучными теориями и размышлениями в духе френологии и евгеники о превосходстве негроидов над европеоидами в силу более предпочтительного цвета кожи, других стандартов красоты и стиля в одежде. Иного размера головной мозг, отличающаяся форма черепа, и даже английский язык, в котором отсутствуют характерные для речи народов Африки фонетические особенности в виде прищелкивания языком и нагромождения согласных звуков, подвергаются жесткой критике чернокожего лидера. Все герои-африканцы в романе «Светлые корни» связывают традиции белого народа закрывать большую часть тела одеждой и воспевают красоту стройных, светловолосых девушек, а не пышных смуглых дам, с низким интеллектом и отсутствующим чувством прекрасного:

«Да, дорогой читатель, коренные жители этих [европейских] земель еще только начинают продираться сквозь гнусные дебри дикарства, которые мы, цивилизованные народы, преодолели еще в доисторические времена» [Evaristo 2009: 222].

Любопытно, что в рамках альтернативной реальности романа именно христианство, а не верования африканских народов является темной дьявольской магией, а чернокожие герои исповедуют «лучшую» и более предпочтительную религию. Так, все то, что в свое

время с точностью до наоборот позиционировалось белыми людьми как отклонение от нормы и признак недостаточной культуры и развития, в произведении Эваристо намеренно атрибутируется героям-африканцам, чьим рупором становится вождь и мыслитель Катамба: «Выражаясь более простым языком, племя европеоидов – нам не чета» [Evaristo 2009: 226]. Свои поездки на другой континент с целью кражи европейцев и их последующего порабощения Катамба мотивирует подобно тому, как видели свою деятельность христианские миссионеры и, в целом, колонизаторы. Он искренне верит в такого рода «спасение» белого народа от тлетворного влияния европейской культуры, в чем чувствуется авторский сарказм по отношению к колониальной парадигме мышления, преобладавшей в Великобритании в имперские времена:

«Как вы вскоре поймете, европейские рабы были спасены от чудовищной гибели, наказаний, безнравственного потакания их слабостям и крепостничества, покуда им была предоставлена счастливая возможность перенять манеры и порядки цивилизованных людей» [Evaristo 2009: 228].

Дополняет подобную сатирическую картину и язык, используемый Катамбой, – напыщенный, избыточный устаревшей книжной лексикой и возвышенными фразами (так называемый, ‘bookish English’): «Я – человек

разумный, таковы и мои намерения» (“I am a reasonable man and a man with reasons”) [Evaristo 2009: 207] и т. п. В целом, часть романа, написанная от лица чернокожего плантатора, судя по тону, явно ведущего данные записи с просветительской целью, и ее длинное название с подзаголовком в какой-то степени является иронической отсылкой к традициям литературы эпохи Просвещения:

«Размышления, идеи, впечатления и чувства. Откровенно и беспристрастно об истинной природе работорговли. Заметки о характере и обычаях европейцев и изложение (скромное и честное) моего пути от дурных истоков к высшим эшелонам цивилизованного общества, которое всем сыновьям добродетели и гуманизма с великим почтением и большим уважением посвящает их покорный слуга» (“Reflections, Thoughts, Experiences & Sentiments. Candid & Free on the True Nature of the Slave Trade. Remarks on the Character & Customs of the Europeans & An Account (Modest & Truthful) of my Progression From Inauspicious Origins to the Highest Echelons of Civilized Society Dedicated With the Greatest Veneration to the Sons of Virtue & The Rights of Mankind by Their Most Respectful & Humble Servant”) [Evaristo 2009: 205–207].

На наш взгляд, в данной части романа прослеживаются параллели с «Персидскими письмами» (“Lettres Persanes”, 1721) Шарля Луи де Монтескье [Монтескье]. Кага Кона-та Катамба, подобно персидскому вельможе

Узбеку, покинувшему родину вместе с другом Риком с целью поездки во Францию, в письмах критически комментирует различные стороны жизни западного общества, политику и нравы. Безусловно, подобная игра с классикой, реализуемая за счет интертекстуальности и создания комического эффекта в рамках заданного контекста романа, позволяет автору предоставить читателю возможность увидеть историю порабощения одной расы другой с нестандартной стороны.

В свою очередь в частях повествования от лица героини Дорис освещаются все самые темные и изобилующие жестокостью стороны жизни рабов, традиционно описываемые в невольничьих повествованиях и иных текстах, сосредоточенных на теме рабства. Это разлучение с детьми и возлюбленными, пытки, сексуальное насилие и прочие зверства. Невольники не имеют права даже на сохранение собственного имени. Их нарекают новыми, более привычными для рабовладельцев именами, что было распространенной практикой во времена рабства. Так, например, Дорис называют Омереномвара, что на языке амбосцев означает «это дитя не будет страдать»

[Evaristo 2009: 79]. Данное имя выступает в качестве жестокой насмешки в связи с тем, что переживает героиня, ставшая невольницей. Имя является неотъемлемой частью идентичности индивида, а также индикатором его связи с истоками. Когда в финале романа Дорис предпринимает вторую, на этот раз успешную, попытку побега, и, наконец, может открыто представляться настоящим именем, она характеризует это как возвращение своей утраченной идентичности.

Важно отметить, что на протяжении всего романа хозяева презрительно называют рабов «уиггерами», что включает в себе игру слов. Англоязычное ‘nigger’, т. е. грубое обращение к чернокожим, превращается в выдуманное Эваристо слово “wigger”, где начальные звуки отсылают к белому цвету кожи европейцев (от английского ‘white’ – белый). Языковая игра продолжается автором и в контексте того, как разговаривают между собой героини-рабы, с которыми знакомится Дорис по ходу развития сюжета. Их язык напоминает пиджин-инглиш¹. Так как найти реальный аналог варианта языка, представленного в произведении Эваристо, нам не удалось, на наш взгляд, он

¹ Пиджин-инглиш – возникший между европейскими торговцами и их африканскими партнерами контактный язык работорговли, в основе которого английская лексика, но с влиянием африканской фонетики и грамматики, иногда с небольшой примесью португальских слов. Со временем он стал языком рабов, забывших родные языки. До сих пор как в Африке, так и в Карибском бассейне существуют креольские языки, возникшие на базе данного пиджина.

был искусственно создан самой писательницей с целью фонетической имитации того, как для белого человека звучит речь чернокожих. Для иллюстрации авторского лингвистического эксперимента нам представляется более уместным дать прямую цитату из текста, так как перевод лишает возможности наиболее полно и точно передать его специфику:

“Furz ting he do is com see his Miss Iffe. Him cyant resist. Like ritoal. Last time I did aks fe fashanabal lace fabrik from Londolo, but spect to git gole jewallree too. Gole, gole, gole, him always bring mi gole, neva dat silva rubbish <...> Com, mi hintroduce yu to Miss Iffe. Don't pay her no neva mind. Bark wurz dan bite. She alrite. Show off, dat's all. An bored. All she do iz natta, natta, natta” [Evaristo 2009: 420– 421].

В контексте рассматриваемого произведения и, собственно, самого явления, гибридизацию родных языков рабов и языка угнетателя можно рассматривать как посягательство на идентичность, культуру и историю представителей порабощенных народов. При этом сама Дорис ведет повествование на нормативном английском языке, переключаясь на пиджин только в беседе с другими рабами. По форме и тону некоторые части текста, изложенные от лица главной героини, отчасти напоминают джубилиз – песни афроамериканских невольников – за счет многократных анафорических повторов, параллелизма, ритмичности, и особой эмоциональности:

«О, как же тосковала я по серому пасмурному небу. Как тосковала я по беспрестанно морозящему дождю и сильному ветру, задувающему в уши. Как скучала я по уютным шерстяным вещам и прочным деревянным башмакам. Как я скучала по маминым сочным теплым бутербродам и густой тыквенной похлебке. Как страдала я без треска огня в камине и нашим семейным песнопениям возле него. Как тосковала я по далекому северному краю, откуда забрали меня. Как же я тосковала по Англии» (“But, oh, how I longed for those cloudy grey skies. How I longed for incessant drizzle and harsh wind slapping my ears. How I longed for my snug little woollies and sturdy wooden clogs. How I longed for Mam's warm dripping sandwiches and thick pumpkin broth. How I longed for the fire cracking in the hearth and our family singsong around it. How I longed for the far northern district from whence I was taken. How I longed for England”) [Evaristo 2009: 28].

Таким образом, даже сам способ наррации и тот факт, что главная героиня довольно часто выступает в роли «домашней» рабыни, будучи служанкой, секретарем или няней, позволяет охарактеризовать ее как некоего посредника между миром рабов и миром рабовладельцев, а также между художественным миром, созданным Эваристо, и сферой читательского восприятия.

Финальные строки произведения выступают в качестве неутешительного и довольно критичного комментария:

«В двадцать первом веке наследники Буаны все еще владеют сахарной плантацией и принадлежат к числу самых богатых и влиятельных семейств Объединенного королевства Великой Амбоссы, где они все проживают. Труд работников подобных плантаций, многие из которых – потомки первых рабов, оплачивается» [Evaristo 2009: 471].

Он побуждает читателя задуматься о последствиях долгих лет рабства даже в современном, казалось бы, свободном мире. В связи с этим, на наш взгляд, необходимо сказать о поэтике заглавия романа «Светлые корни» и его символичности в контексте авторской идеи. С одной стороны, оно будто отсылает читателя к ставшей классикой афроамериканской литературы семейной саге Алекса Хейли «Корни» (“Roots”, 1976), где рассказывается о драматичной истории шести поколений семьи, берущей свое начало от порабощенного в XVIII в. Кунта Кинте [Хейли]. Также и вся семья главной героини Дорис стала жертвами института рабства, о чем читатель узнает только в конце романа:

«Мэдж была изнасилована до смерти. Отец погибал, лежа в собственных испражнениях. Мать утонула. Маленькая Элис умирала в страданиях, оставшись абсолютно одна. Моя единственная выжившая сестра любит – по крайней мере, мне так показалось – человека, ответственного за все вышеперечисленное» [Evaristo 2009: 425].

С другой, – оно является своеобразной метафорой происхождения рабства, поскольку у него «светлые» корни, ведь именно белые люди начали работорговлю. В то же время включение в название романа прилагательного ‘blonde’, используемого в английском языке только при описании цвета волос, а не ‘light’, вновь отсылает нас к образу главной героини, светловолосой красавицы Дорис, и истории ее тяжелой судьбы. Она становится жертвой и лишается свободы на долгие годы лишь в силу принадлежности к «неправильной» в контексте художественной альтернативы Эваристо расе.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что роман «Светлые корни» – образец постколониальной прозы XXI в., где в художественной форме представлено подтверждение идеи о гибридности современной гетерогенной культуры, продуктом которой является и литература. На сегодняшний день можно говорить о новом витке в развитии литературного процесса. С появлением новых писателей он характеризуется синтезом традиций различных национальных литератур и пересмотром сложившихся представлений, трактовок и способов репрезентации практик колониализма. Все обозначенное выше можно наблюдать и в рассмотренном нами произведении Бернардин Эваристо, в котором

автор, сочетая традиции, приемы, тематику и проблематику афроамериканской и британской прозы, подвергает критическому переосмыслению вехи мировой истории колониального угнетения.

Литература

Джумайло, О.А. Современный роман и уязвимость постколониального субъекта // Новое прошлое. 2022. № 3. С. 154–161.

Монтескье, Ш.Л. Персидские письма / пер. с франц. Е. Гунста. М.: Азбука, 2010.

Морозова, И.В. Коллективная память в романе Колсона Уайтхеда «Подземная железная дорога» // Вестник Удмуртского университета. 2018. № 5. С. 736–741.

Толкачев, С.П. Мультикультурная литература: ответ на новые вызовы XXI века // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2019. № 2 (63). С. 153–166.

Толкачев, С.П. Постколониальная литература: «новый сценарий» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2018. № 7 (798). С. 89–108.

Глостанова, М.В. Постколониальная теория, деколониальный выбор и освобождение эстетизиса // Человек и культура. 2012. № 1. С. 1–64.

Уайтхед, К. Подземная железная дорога / пер. О. Новицкой. М.: CORPUS, 2019.

Удлер, И.М. «Невольничьи повествования» XVIII века: становление жанра // Вест-

ник Челябинского государственного университета. 2007. № 22. С. 144–149.

Уокер, Э. Цвет пурпурный / пер. с англ. М. Завьяловой. М.: АСТ, 2020.

Хабибуллина, Л.Ф. Постколониальная травма в английской женской литературе XXI века // Имагология и компаративистика. 2021. № 15. С. 89–104.

Хейли, А. Корни / пер. с англ. Т. Новиковой. М.: Бомбора, 2019.

Шевченко, А.Р. Взаимодействие культур в англоязычной мультикультурной прозе конца XX – начала XXI вв. (Д. Лахири, Ч.Н. Адичи, М. Али, З. Смит): дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2022.

Эваристо, Б. Девушка, женщина, иная / пер. с англ. С. Таска. М.: Inspiria, 2020.

Anzaldúa, G. (1987). *Borderlands/La frontera: the new mestizo*. San Francisco: Aunt Lute Books.

Boehmer, E. (2005). *Stories of women: gender and narrative in the postcolonial nation*. Manchester and New York: Manchester University Press.

Evaristo, B. (1994). *Island of Abraham*. London: Peepal Tree Books.

Evaristo, B. (2001). *The emperor's babe*. London: Penguin.

Evaristo, B. (2008, May 28). *Blonde roots Q&A with Brenda Emmanus*. Bernardine Evaristo. Retrieved from: <https://www.youtube.com/watch?v=2HxtBDKnEVo> (date of access: 26.05.2024).

Evaristo, B. (2009). *Blonde roots*. New York: Riverhead Books.

Evaristo, B. (2010). *Hello Mum*. London: Penguin.

Evaristo, B. (2022). *Manifesto: On Never Giving Up*. New York: Grove Press.

Fotouhi, S. (2018). Alternative readings: approaching Iranian writing in English as postcolonial literature. *Postcolonial Interventions: An Interdisciplinary Journal in Postcolonial Studies*, 1 (1), 220–240.

Mills, S. (2009). *Gender and colonial space*. Manchester: Manchester University Press.

Petersen, K.H., & Rutherford A. (Eds.). (1986). *A double colonization: colonial and postcolonial women's writing*. Sydney and Oxford: Dangaroo Press.

Spivak, G. (1995). Can the subaltern speak? In B. Ashcroft, G. Griffiths, & H. Tiffin (Eds.), *The post-colonial studies reader*. London: Routledge, 24–28.

References

Anzaldúa, G. (1987). *Borderlands/la frontera: the new mestizo*. San Francisco: Aunt Lute Books.

Boehmer, E. (2005). *Stories of women: gender and narrative in the postcolonial nation*. Manchester and New York: Manchester University Press.

Dzhumaylo, O.A. (2022). Sovremennyy roman i uyazvimost' postkolonial'nogo sub'yekta [The contemporary novel and the

vulnerability of the postcolonial subject]. *Novoye Proshloye [The New Past]*, 3, 154–161. <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2022-3-154-161>

Evaristo, B. (1994). *Island of Abraham*. London: Peepal Tree Books.

Evaristo, B. (2001). *The emperor's babe*. London: Penguin.

Evaristo, B. (2008, May 28). Blonde roots Q&A with Brenda Emmanus. *Bernardine Evaristo*. Retrieved from: <https://www.youtube.com/watch?v=2HxtBDKnEVo> (date of access: 26.05.2024).

Evaristo, B. (2009). *Blonde roots*. New York: Riverhead Books.

Evaristo, B. (2010). *Hello Mum*. London: Penguin.

Evaristo, B. (2020). *Girl, woman, other* (S. Task, Trans.). Moscow: Inspiria.

Evaristo, B. (2022). *Manifesto: on never giving up*. New York: Grove Press.

Fotouhi, S. (2018). Alternative readings: approaching Iranian writing in English as postcolonial literature. *Postcolonial Interventions: An Interdisciplinary Journal in Postcolonial Studies*, 1 (1), 220–240.

Haley, A. (2019). *Roots* (T. Novikova Trans.). Moscow: Bombora.

Khabibullina, L.F. (2021). Postkolonial'naya travma v angliyskoy zhenskoy literature XXI veka [Postcolonial trauma in the 21st century English female fiction]. *Imagologiya i Komparativistika [Imagology and Co-*

maparative Studies], 15, 89–104. <https://doi.org/10.17223/24099554/15/5>

Mills, S. (2009). *Gender and colonial space*. Manchester: Manchester University Press.

Montesquieu, Ch.L. (2010). *Lettres persanes* [Persian letters] (E. Gunst, Trans.). Moscow: Azbuka.

Morozova, I.V. (2018). Kollektivnaya pamyat' v romane Kolsona Uaytkheda Podzemnaya Zheleznaya Doroga [Collective memory in The underground railroad by Colson Whitehead]. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta* [Herald of Udmurt University], 5, 736–741.

Petersen, K.H., & Rutherford A. (Eds.). (1986). *A double colonization: colonial and postcolonial women's writing*. Sydney and Oxford: Dangaroo Press.

Shevchenko, A.R. (2022). *Vzaimodeystviye kul'tur v angloyazychnoy mul'tikul'turnoy proze kontsa XX – nachala XXI vv. (D. Lakhiri, Ch.N. Adichi, M. Ali, Z. Smit)* [The interaction of cultures in late 20th – early 21st century English language multicultural fiction (J. Lahiri, Ch.N. Adichie, M. Ali, Z. Smith)] (PhD Dissertation, Kazan Federal Volga Region University, Kazan).

Spivak, G. (1995). Can the subaltern speak? In B. Ashcroft, G. Griffiths, & H. Tiffin (Eds.), *The post-colonial studies reader*. London: Routledge, 24–28.

Tlostanova, M.V. (2012). Postkolonial'naya teoriya, dekolonial'nyy vybor i osvobozh-

deniye estezisa [The postcolonial theory, the decolonial option, and the release of aesthetics]. *Chelovek i Kul'tura* [Human and Culture], 1, 1–64. <https://doi.org/10.7256/2306-1618.2012.1.141>

Tolkachev, S.P. (2018). Postkolonial'naya literatura: novyy stsensariy [Postcolonial literature: a new scenario]. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Lingvisticheskogo Universiteta* [Herald of Moscow State Linguistic University], 7 (798), 89–108.

Tolkachev, S.P. (2019). Mul'tikul'turnaya literatura: otvet na novyye vyzovy XXI veka [Multicultural literature: responding to new challenges of the 21st century]. *Vestnik Ryazanskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. S.A. Esenina* [Herald of S.A. Yesenin Ryazan State University], 2 (63), 153–166.

Udler, I.M. (2007). Nevol'nich'i povestvovaniya XVIII veka: stanovleniye zhanra [18th century slave narratives: the formation of genre]. *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Herald of Chelyabinsk State University], 22, 144–149.

Walker, A. (2020). *The colour purple* (M. Zav'yalova Trans.). Moscow: AST.

Whitehead, C. (2019). The underground railroad (O. Novitskaya, Trans.). Moscow: CORPUS.

Рис. 1 Алан Гиллиленд. Карта, сопровождающая издание романа «Светлые корни» (“Blonde Roots”, 2008).

Для цитирования: Шевченко А.Р. Роман Бернардин Эваристо «Светлые корни»: осмысление темы рабства в современной литературе // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2024. Т. 9. № 2. С. 62–79. DOI: 10.18522/2415-8852-2024-2-62-79

For citation: Shevchenko, A.R. (2024). “Blonde Roots” by Bernardine Evaristo: Slavery and its Apprehension in Modern Fiction. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 9 (2), 62–79. DOI: 10.18522/2415-8852-2024-2-62-79

**“BLONDE ROOTS” BY BERNARDINE EVARISTO:
SLAVERY AND ITS APPREHENSION IN MODERN FICTION**

Arina R. Shevchenko, PhD in Philology, Associate Professor at Kazan Federal University (Kazan, Russia); email: sheara@inbox.ru

Abstract. The research material is the novel by the famous representative of British postcolonial literature Bernardine Evaristo “Blonde Roots” (2008), untranslated into Russian. In the novel, based on practices of creating alternative history and slave narratives, the writer attempts to revise the course of historical events related to the process of the transatlantic slave trade. The artistic alternative, functioning within the framework of the narrative we are considering, allows the author to create a hybrid text, at all levels of which a literary experiment is being implemented. The revisionist message gives the novel a satirical tone, created with the help of alternative geography, a mosaic of intertextual references, a synthesis of characteristic features of “black” and “white” writing (documents on the history of the slave trade, slave narratives, novels by A. Walker, A. Haley, European literature of the Enlightenment), a language experiment (the creation of an original version of Pidgin English), the introduction of numerous anachronisms. Evaristo resorts to the tendency, characteristic for female British postcolonial narrative, to provide space for self-realization specifically to heroines who are discriminated on both gender and racial / ethnic grounds. In addition, some parts of the text, presented on behalf of the main character, are stylized as jubilees, songs of African-American slaves, due to repeated anaphoric repetitions, parallelism, rhythmicity. Thus, the “third space”, which is iconic for postcolonial discourse, is ‘evaristically’ constructed to challenge established paradigms of thinking. The writer redefines not only the historical, political, social and cultural positions formed in the collective consciousness regarding the world order, but also literary canon, synthesizing the traditions of African-American and European writing

Key words: alternate history, Bernardine Evaristo, experimental novel, hybridity, issue of slavery, modern fiction

